

РЕПРЕССИИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Рубрика: [Политическая история](#)

РЕПРЕССИИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ (от позднелатинского *repressio* – «подавление») – карательные меры против реальных и мнимых политических противников, массовое наказание представителей различных групп и слоев населения, большей частью по сфальсифицированным обвинениям с целью устрашения и подчинения власти. Осуществлялись большевистским режимом в течение всего периода его существования, наиболее массовый характер носили при И. Сталине. Одним из объектов массовых репрессий большевистского режима стало немецкое население СССР.

Большевизм как идеология и общественно-политическая практика, особая форма власти военно-тоталитарной партии, с его основополагающими догмами насильственной революции как «локомотива истории», классовой борьбы, диктатуры пролетариата, уничтожения частной собственности, отрицания правового государства и гражданского общества, приоритета классовых интересов над национальными, «революционной целесообразности» над правами личности и т. п., наложил глубочайший отпечаток на российскую и мировую историю, на все сферы жизни общества.

Свои теоретические представления большевики жестко и напористо реализовывали на практике. В результате их беспрецедентного по жестокости нажима Россия с ее многомиллионным и многонациональным населением свернула на некапиталистический путь развития, стала гигантским полигоном для коммунистических экспериментов. Ставка на государственное принуждение, всемерное культивирование «классовой» ненависти неизбежно породили господство «чрезвычайщины» и массовые репрессии. Провозглашавшаяся «демократия для трудящихся» по сути с первых дней установления большевистской власти была фикцией. На самом деле возобладали и приняли устойчивый характер не только в военное, но и в мирное время, террористические методы управления государством и обществом, оголтелое насилие практически над всеми социальными слоями (в том числе и над теми, от имени которых большевики выступали), особенно в период «развернутого наступления социализма по всему фронту», да и позднее, вплоть до середины 1950-х гг.

Наряду с насилием, характерной чертой большевизма всегда являлась политическая мимикрия. Во имя достижения своих стратегических целей он ловко манипулировал тактическими лозунгами, без тени смущения заимствовал у своих политических противников наиболее привлекательные для масс на данный момент программные установки. Это позволяло большевикам успешно преодолевать даже самые, казалось бы, безнадежные, кризисные ситуации, когда их власть и влияние буквально висели на волоске.

Кроме того, марксистская идеология, наложившись на некоторые чисто российские традиции (превалирование коллективного начала над личным, стремление масс к уравнительной справедливости, их неприязнь к высшим, образованным слоям общества, определенные мессианские настроения) позволяла большевикам завоевывать симпатии и привлекать на свою сторону определенные социальные группы населения. В дальнейшем, изолировав страну и безудержно «промывая мозги» населению своей пропагандой, большевики смогли сформировать в обществе слой людей, фанатично преданных режиму и коммунистическому мифу, ставший социальной опорой их власти.

Все отмеченное, как и ряд других факторов, позволили коммунистам достаточно долгое время удерживать страну на своеобразном, самобытном пути развития, оказавшемся, как сейчас ясно, лишь специфическим и крайне расточительным вариантом индустриального общества.

Что касается российских немцев, то подавляющее их большинство появилось в России после 1763 г. из германских и других соседних государств, где к тому времени уже вполне сложилась западноевропейская цивилизация с ее основополагающими ценностями такими как абсолютизация частной собственности, индивидуализм, рационализм, протестантская этика, возвеличивающая мирской профессиональный труд как богоугодное дело (подавляющее большинство переселенцев, как известно, были протестантами) и т. п.

Естественно, многое из отмеченного выше воплотилось в сознании переселенцев, обусловило их специфическую ментальность, нашедшую свое выражение в целом ряде своеобразных национальных черт (высокой религиозности, строгом следовании христианским заповедям, организованности, дисциплинированности, исключительном трудолюбии, любви к порядку, рачительности, развитом чувстве хозяина своей собственности, почтительном отношении к собственности ближнего и т. п.). В

России реакция на такой образ немца была разная: от уважения и восхищения до неприязни и ненависти.

Обладая ментальностью, унаследовавшей ряд ценностей западноевропейской цивилизации, российские немцы, в силу объективных и субъективных условий, в течение многих десятилетий смогли сохранить свою национальную идентичность, традиции и обычаи старой родины. С конца XIX в. в обстановке обострения отношений с объединившейся и усилившейся Германией этот фактор стал играть роль известного раздражителя для националистически настроенной части российского общества и усугублял положение немцев в России. В годы *Первой мировой войны*, как известно, на волне шовинизма российские немцы подверглись прямым гонениям, «борьба с немецким засильем» санкционировалась и во многом проводилась самим государством. Так что традиции государственных репрессий в отношении российских немцев берут начало еще со времен империи, до прихода большевиков к власти.

Изложенное позволяет понять, что идеология большевизма и национальная психология российских немцев имели очень мало точек соприкосновения. Их противостояние после установления большевистской диктатуры было неизбежным. Однако на первых порах немцы, как и другие малые народы России оказались в плену иллюзий, вызванных провозглашением «Декларации прав народов России». Известно, в частности, что представители немецких колоний Поволжья на своем съезде в феврале 1918 г. приняли решение ходатайствовать перед советским правительством о создании национально-территориальной автономии немцев Поволжья.

На деле большевиков заботило не свободное и суверенное развитие различных наций, а лишь тактические соображения: стремление заручиться поддержкой нерусских народов и облегчить тем самым развертывание революционного процесса. Нарком по делам национальностей И. Сталин толковывал делегатам одного из национальных совещаний в мае 1918 г., что дать автономию для того, чтобы внутри нее вся власть принадлежала национальной буржуазии, советская власть не может. Она выступает за такую автономию, «где бы буржуа всех национальностей были устранены не только от власти, но и от участия в выборах правительственных органов». Именно по такому сценарию создавалась *Автономная область немцев Поволжья* в 1918 г. Об этом свидетельствует вся деятельность по ее созданию, которую осуществлял Поволжский комиссариат по немецким делам. Ему прямо предписывалось стать «идейным центром социалистической работы среди немецкого трудового населения», обеспечить «народное самоуправление на советских началах».

Кроме того, большевики рассматривали национальную идею, чувство национальной идентичности, приверженность национальному интересу как главное препятствие на пути социалистического или коммунистического универсализма, пролетарского интернационализма и тоталитарной государственности. Поэтому установка на постепенное исчезновение национального начала была неотъемлемым элементом социальной, социокультурной и политической программы большевистского режима в СССР. Реализация такой установки предполагалась именно через национально-территориальный тип автономии и федерации, поскольку в этом случае обеспечивались централизм Коммунистической партии, ее цементирующая роль между всеми этнополитическими образованиями, возможность осуществления ею властных и управленческих функций в интересах создания всемирного бесклассового общества без государств и без национальных различий.

Следовательно, национально-территориальная автономия для большевиков являлась лишь одним из инструментов реализации утопических идей о мировом социализме. Отсюда, как показывает, в частности, исторический опыт существования *Автономной Республики немцев Поволжья*, немецких национальных районов в различных регионах страны, сформировалось и соответствующее отношение к ней в практической национальной политике. Автономия советского типа получила гарантии территориальной идентичности, создания образовательных и культурных институтов на собственных национальных языках. В ней стимулировались местные кадры, проводилась так называемая «коренизация», в общем русле развития страны осуществлялась насильственная модернизация экономики и др.

Вместе с тем, все эти меры находились в подчиненном положении по отношению к «классовой» политике, которая всегда играла ведущую роль, не делала каких-либо национальных различий и была призвана в конечном итоге «осчастливить» все человечество. На примере истории *Автономной Республики немцев Поволжья*, немецких национальных районов очень хорошо видно, что автономия советского типа была лишена фактического политического суверенитета, все провозглашенные ее национально-государственные права на практике являлись чистой фикцией. Можно доказать данное

утверждение следующим примером: в 1937 г. по Конституции СССР *Автономная Республика немцев Поволжья* должна была подчиняться высшим органам государственной власти РСФСР, а фактически подчинялась обкому ВКП (б) соседней с нею Саратовской области.

Особенно явно эфемерность национально-государственных прав союзных и автономных республик стала заметна с середины 1930-х гг., когда постепенный отход от концепции мировой революции, утверждение курса на построение и, возможно, длительное существование социализма в отдельно взятой стране привели к существенным изменениям национальной и, в частности, языковой политики. Русский язык стал рассматриваться в качестве единственного универсального средства общения. На смену административной кампании «коренизации» пришла противоположная по своей направленности, более жесткая кампания «борьбы с национализмом». Именно в русле данной кампании в конце 1930-х гг. были ликвидированы немецкие национальные районы.

Глобальные социальные эксперименты, перевернувшие весь уклад и образ жизни населения бывшей Российской империи после 1917 г., широкомасштабные репрессии и насилие, безграничное всевластие ВКП (б) уравнили между собой в Советском Союзе все нации и народности, союзные и автономные республики, края и области, всех граждан в своем национальном и человеческом бесправии. В этом плане советские немцы и их национально-территориальные образования никогда не были каким-то особым исключением из общих правил.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что в АССР немцев Поволжья, в немецких районах и селах Украины, Сибири, Кавказа и других регионов имели место те же самые явления и процессы, вызванные политикой центрального большевистского руководства, те же основные негативные проявления господства тоталитарной системы, что были присущи всей многострадальной советской стране на различных этапах ее существования и развития. Вместе с другими народами России и Советского Союза немцы пережили военно-коммунистический эксперимент, продразверстку и голод, коллективизацию и раскулачивание, колхозно-крепостническую систему 1930-х гг. и порожденный ею новый голод, «большой террор» и тяготы войны, послевоенную нужду...

Однако, в политике государства по отношению к немцам имелась и своя специфика. Она порождалась, прежде всего, их ментальностью, сложившимися представлениями о немецком этносе. В частности, у большевистского руководства страны, особенно в первые годы, очевидно еще с дореволюционных и довоенных времен, существовало мнение, что все колонисты — в основном зажиточные крестьяне, «крепкие хозяева», а немецкие колонии — «кулацкие гнезда». Отсюда — более интенсивное и жесткое чем у других «выкачивание» у немецких крестьян продовольствия, иных материальных ценностей в годы Гражданской войны. Особенно досталось поволжским немцам, которые все годы Гражданской войны находились под властью большевиков. Не случайно именно [Автономная область немцев Поволжья](#) стала эпицентром голода в Поволжье и понесла самые тяжелые людские потери.

Следует отметить еще и такой существенный момент. Одной из главных особенностей национально-государственной системы, сложившейся в послеоктябрьской России, была ее нацеленность на уничтожение фактического неравенства народов. Национально-территориальная автономия изображалась в качестве благородного средства оказания помощи малым и отсталым народам со стороны более развитого — русского. «Выравнивание» обеспечивалось за счет перераспределения центром материальных и финансовых средств между различными регионами страны. В этом процессе автономия немцев Поволжья была едва ли не единственным исключением. Поскольку немцев считали «культурной и развитой нацией», их автономия в большей мере выполняла донорские функции, являясь одним из важных поставщиков продовольствия в общесоюзный фонд. Что же касается помощи центра, то она предоставлялась Немреспублике на общих со всеми губерниями, краями и областями РСФСР основаниях. Исключения делались крайне редко, неохотно, как правило, когда ситуация требовала неотложных мер. (Так, например, были выделены средства на развитие национального образования в самом начале 1930-х гг.). По этой причине АССР немцев Поволжья до конца 1930-х гг. отставала в развитии от многих других автономий РСФСР. Примерно такая же ситуация существовала и в немецких районах.

В свою очередь, немцы отвечали режиму тем же. Именно спецификой ментальности российских немцев объясняется то, что они оказались в числе народов нашей страны, наиболее долго, сложно и трудно адаптировавшихся к созданному большевиками общественному строю. В годы Гражданской войны немцы Украины, некоторых других регионов активно участвовали в борьбе с большевистской властью. В Белой армии существовали даже немецкие национальные формирования (например, бригада немецких

колонистов и военнопленных численностью 3 тысячи Человек сражалась в армии П. Врангеля). Поволжские немцы мобилизовывались в Красную армию, однако рвения в службе не проявляли. Их дезертирство достигало беспрецедентных размеров. Немецкие красные формирования существовали недолго и ничем особым себя не проявили. Более того, 2-й Бальцерский полк был расформирован за отказ идти в атаку и уход с боевых позиций. Причем это не было связано с какими-то идеологическими соображениями. Просто поволжские колонисты, в большинстве своем, отвергали войну как явление, необходимость убивать, им претил отрыв от привычного крестьянского образа жизни. Вместе с тем, они активно участвовали в крестьянском восстании 1921 г. отстаивая свое право на собственность, на традиционный образ жизни. Для большевиков было вполне естественным делом после подавления восстания учинить массовую расправу с его участниками, подвергнув расстрелу сотни людей.

Неприятие немцами большевистской идеологии после Гражданской войны было настолько явным, что режиму приходилось принимать в этом направлении специальные меры. Так, в январе 1924 г. пленум обкома РКП (б) АССР немцев Поволжья на специальном заседании вынужден был отметить «политическое отставание» немецкого крестьянства от русского, более слабое восприятие им «коммунистических идей». Пленум определил ряд мероприятий, направленных на усиление «политической работы» среди крестьян-немцев.

Специфика ментальности вызывала, как правило, более негативную реакцию немцев на большевистские эксперименты и действия, более упорное сопротивление попыткам сломать традиционный образ жизни. А это, естественно, приводило к более жестоким карательным мерам со стороны режима. Характерным примером может служить [коллективизация](#). Немецкие крестьяне яростно сопротивлялись ей, хорошо понимая, что это конец многолетним основополагающим устоям их жизни. Уже к началу 1930 г. волнения охватили десятки сел в Поволжье, на Украине, в Сибири и других регионах. В ряде случаев волнения перерастали в восстания, на какое-то время свергавшие советскую власть в тех или иных селах (Мариенфельд в Поволжье, Гальбштадт на Алтае и др.). Характерным явлением для немецких сел была совместная защита крестьян, подлежавших раскулачиванию. В иных селах их жители по 2-3 дня не давали раскулачить и вывезти своих односельчан. Это удавалось сделать только с применением вооруженной силы. Но даже после этого крестьяне продолжали требовать возврата высланных из села, возвращения им отобранного имущества.

Конечно, нельзя обойти того факта, что большевикам удалось расколоть немецкое население страны. Среди немцев был слой людей, безоглядно принявших большевистский режим, служивших ему верой и правдой. Коллективизацию и раскулачивание в немецких селах проводили те же немцы-односельчане. Эти же люди писали и доносы на своих соседей, коллег по работе, принимали участие в осуществлении репрессий, подчас, сами становясь позднее их жертвами. Объективности ради, надо отметить, что слой таких людей среди немецкого населения был значительно уже, чем у многих других советских народов, что, впрочем их ничуть не смущало. Наоборот, свою малочисленность эти люди компенсировали недюжинным упорством и педантизмом в достижении цели, особой жестокостью и непреклонностью. Именно этим людям, к примеру, удалось к лету 1931 г. поставить на колени немецкую деревню в Поволжье зимой 1929-1930 гг. бушевавшую массовыми протестами против коллективизации. По всей стране было объявлено, что Автономная Республика немцев Поволжья первой в СССР завершила сплошную коллективизацию крестьянства. В данном случае мы имеем пример проявления некоторых черт немецкой ментальности в зеркальном отражении, что, скажем, было присуще и нацистским функционерам в Германии.

В свете изложенного выше ненаучными и эмоционально односторонними выглядят утверждения некоторых политиков и историков из среды российских немцев о том, что у большевистского режима к советским немцам была особая ненависть, что в отношении их и их национально-территориальных образований (Немреспублики, национальных районов) проводилась особая политика геноцида, сходная с той, что проводили германские нацисты в отношении евреев.

Проведенные различными историками объективные исследования показывают, что специфические, чисто антинемецкие, репрессии проводились правящим режимом лишь тогда, когда немцы СССР, становясь, как и другие народы нашего государства, жертвами социальных экспериментов и попадая в связи с этим в тяжелое положение, пытались найти выход из него, используя некоторые объективные специфические возможности этноса, имевшего исторические корни за пределами страны (стремление вернуться на историческую родину, апелляция за помощью к эмигрировавшим родственникам и знакомым, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за границы и т. д.)

Понятно, что на такие попытки «своих» немцев советское руководство реагировало крайне негативно, поскольку они дискредитировали большевистский режим перед мировым сообществом, раскрывая истинное положение дел в «государстве рабочих и крестьян», осложняли отношения Советского Союза с Германией и другими странами, т. е. «играли на руку мировому империализму». Ярким примером такого рода могут служить жестокие репрессии против советских немцев в 1934–1935 гг. (Борьба с фашистами и их пособниками), направленные против получения немцами СССР гуманитарной помощи из-за рубежа. ЦК ВКП (б) в своем постановлении от 5 ноября 1934 г. так обосновал необходимость этих репрессий: «...в районах, населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем, местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам и другим национальностям, проживающим в СССР и *нарушающим элементарную лояльность к советской власти*». Таким образом, немцев обвиняли в действиях, наносивших вред режиму, а не в том, что они немцы.

Нельзя отрицать и того бесспорного факта, что на политику советского руководства по отношению к «своим» немцам существенно влияли отношения СССР и Германии. Немцы Советского Союза не раз становились разменной картой в политической игре двух великих держав, с помощью которой советское руководство пыталось реализовать свои планы. Поэтому в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в советско-германских отношениях политика центра к советским немцам либо смягчалась (1920-е гг.), либо ужесточалась (после прихода в Германии к власти Гитлера). Ликвидация Немреспублики, депортация немецкого населения европейской части СССР в Сибирь и Казахстан стали следствием крайнего обострения отношений между Германией и СССР, принявших в результате форму открытого военного столкновения. Эти политические акты, совершенные сталинским руководством страны показали истинную цену большевистским рассуждениям о правах наций.

Депортация и последовавшие за ней [«Трудармия»](#) и *спецпоселение*, несомненно, нанесли немцам СССР тяжелый физический урон, глубочайшую моральную травму. Однако эти явления все же вряд ли можно назвать геноцидом. Немецкие граждане Советского Союза стали жертвами осуществленной в присущей сталинскому режиму грубой форме неадекватной перестраховки от нежелательных эксцессов в тылу в условиях суровой и ожесточенной войны. Наряду с немцами, в годы войны депортации, подверглись десятки народов, использование принудительного труда в СССР приняло практически всеобщий характер, в «Тудармии» отбывали повинность даже «непровинившиеся» народы, в частности, казахи, узбеки, киргизы и др., не говоря о десятках миллионов политзаключенных.

После смерти И. Сталина и особенно после 1955 г. отношение либерализовавшегося режима к советским немцам заметно улучшилось, тем не менее, их реабилитация в полной мере проведена не была. Имеющиеся исследования, затрагивающие эту проблему (А. Айсфельда, Т. Иларионовой и др.), а также анализ партийных документов 1950–1980-х гг. позволяют предположить, что полная реабилитация не была проведена по ряду причин, в том числе и из-за все той же, с точки зрения властей, низкой лояльности немцев коммунистическому режиму. Быстро нараставшие с середины 1950-х гг. эмиграционные настроения с ориентацией на ФРГ, (а не на ГДР), апелляция за помощью к Западу, активное вмешательство Западной Германии в ситуацию с советскими немцами, ее постоянные демарши против дискриминации немцев в СССР и за соблюдение прав человека в отношении них, вызывало у советского руководства, как и в начале 1930-х гг., сильнейшее раздражение. Отмеченные выше факты квалифицировались как «антисоветские проявления», что, естественно, формировало по отношению к советским немцам общую неприязнь властей со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Советское руководство понимало, что в случае воссоздания Немреспублики оказались бы в противостоянии суверенитет Советского Союза и немецкий государственный патернализм, ФРГ наверняка взяла бы на себя роль зарубежного покровителя внутрисоветской немецкой государственности. В условиях «холодной войны» и противостояния двух общественно-политических систем это выглядело как серьезная и необоснованная уступка позиций идеологическому и политическому противнику.

Таким образом, политические репрессии — это неотъемлемая составная часть общей политики большевистского руководства в отношении немецкого этноса в России и СССР, и вызывались они следующими основными факторами:

- 1) Общей репрессивной политикой большевистского режима, вытекавшей из его природы.
- 2) Сложной адаптацией немецкого этноса к большевистской власти, его негативной реакцией на важнейшие «социалистические» преобразования, апелляцией за защитой своих нарушенных прав на

Запад, то есть к идеологическому и политическому противнику большевизма;

3) Отношениями между СССР и Германией. В частности, в экстремальных условиях войны большевистская власть, помня о слабой лояльности «своих» немцев, пошла на неадекватную перестраховку, подвергнув их депортации, «Трудармии», спецпоселению.

Автор: [Герман А. А.](#)

Литература

Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. М.: Готика, 1995.

Герман А. А. Большевистская власть и немецкая автономия на Волге. Саратов: Изд-во Сар. гос. ун-та, 2005; Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999; История немцев России: учебное пособие. М.: МаВи групп, 2020.

Российские немцы (Серия «Народы и культуры»). М.: Наука, 2021.